

РОССИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Эволюция представлений МИДа об интересах страны в регионе

С распадом СССР и образованием СНГ в мире возникло новое важное явление: внешнеполитические и иные отношения между странами Содружества, а также отношения этих стран с остальным внешним миром. Как показывает опыт, эти отношения складываются непросто, а нередко даже драматически. Приоритетными внутри СНГ являются отношения самой России с партнерами по этому Содружеству. Именно ей приходится искать такие решения и такие подходы, которые ею никогда раньше не практиковались,

Из различных общих направлений, которые обозначились за два с небольшим года существования СНГ, - а это Прибалтика, Беларусь, Украина, Закавказье, Средняя Азия и, наконец, внутренние регионы - наиболее сложным направлением является среднеазиатское. Чем дальше, тем больше именно этот регион создает для России в целом и в том числе для ее МИДа сложнейшие проблемы.

Хотя такая постановка вопроса, на первый взгляд, кажется не вполне обоснованной (сразу вспоминаются, например, драматические российско-украинские взаимоотношения, проблемы закавказских республик, отношения с Прибалтикой и т.д.) она, на мой взгляд, вполне правомерна. По крайней мере по следующим причинам:

- из-за стратегической важности среднеазиатского региона для России. С давних времен оно было неоспоримым как с военной так и экономической и всякой иной точки зрения;

- возрастающее проникновение в Россию через Среднюю Азию исламского экстремизма чревато распространением оружия, социальной напряженности и опасности гражданской войны на всем этом пространстве ;

- активное развитие международных и особенно региональных связей государств Центральной Азии, о которых регулярно сообщают СМИ и которые дают уже некоторые плоды, имеет для России не только положительное значение (поскольку в определенной мере уменьшает ее экономическое бремя), но и отрицательное: сужаются рынки сбыта ее промышленной продукции, источники сырья, приходится решать сложнейшую проблему сотен тысяч беженцев и т.д.

Примеров, которые доказывают, что эти связи динамично развиваются, вполне достаточно. И ничего плохого в этом видеть не следует. (Такую возможность советские республики должны были иметь уже с момента своего возникновения.) Важно лишь, чтобы развитие международных связей не шло во вред партнерам по СНГ. Если же укрепление самостоятельности стран Средней Азии, как и развитие их международных связей будет сопровождаться ослаблением экономических и иных связей с Россией, то для последней это будет чревато возникновением уже в недалеком будущем таких проблем (например, проблемы передвижения и демаркации своих границ, раздела сопредельных территорий, в частности, с Казахстаном и пр. и пр.), решение которых будет

не только невероятно сложным, но и баснословно дорогим и явно не по плечу основательно подорванной российской экономике. Такой вариант развития событий, к сожалению, исключать нельзя, особенно если иметь ввиду тенденцию к региональному обособлению среднеазиатских государств, которая проявилась вскоре после подписания Беловежского соглашения и которая явно усилилась в последние месяцы, особенно в ходе неуклюжих маневров России вокруг создания единой рублевой зоны.

Говоря о причинах притяжения и интереса России к среднеазиатскому региону, нельзя не видеть и обратного интереса. Но причины такого интереса сейчас уже далеко не те, какие были в не столь далекие времена. Благодаря прежде всего России, эти страны не только поднялись на новый уровень развития, но, - и это главное, - обрели новое национальное самосознание, превратились, можно считать, в достаточно современные нации с весьма развитым чувством национальной гордости. Из этого следует, что они способны к защите своих собственных интересов значительно больше, чем прежде. Однако в военном отношении их зависимость от России и единой системы обороны по-прежнему велика, если не абсолютна. Но является ли эта зависимость самодовлеющей и главной? Не стал ли для современного государства экономический аспект важнее, чем военный?

Названные причины сегодня в общем уже осознаются МИДом России. Об этом ясно говорят, в частности, интервью бывших заместителей министра иностранных дел Георгия Кунадзе, до недавнего времени курировавшего это направление и Анатолия Адамишина, также занимавшегося проблемами Средней Азии. (См. НГ. от 29 и 30 июля 1993 г.)

Если понимание действительно налицо (а сомневаться в этом не приходится), то в какой степени нынешняя практическая политика МИДа на среднеазиатском направлении адекватна интересам страны? Кроме того, как эволюционировала политика МИДа в отношении Центральной Азии за годы независимости России?

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ МИДА НА ОТНОШЕНИЯ СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Эволюция взглядов МИДа находила свое выражение прежде всего в действиях этого учреждения, а также в изменениях оценок его руководителей.

Рассмотрим, как происходила эта эволюция.

Спустя месяц после августовского (1991г.) путча, когда еще существовал союзный МИД, глава российского внешнеполитического ведомства А. Козырев говорил о том, что интересы внешней политики российского государства должны быть подчинены исторической задаче преобразования России "из опасного больного гиганта Евразии в участника западной зоны процветания". По мере укрепления суверенитета республик и роста центробежных настроений - особенно в октябре-ноябре 1991 г.- позиция российского главы внешнеполитического ведомства претерпевала заметные изменения. Продолжая утверждать, что "целеустановка идет на США, Западную Европу, Японию", т.е. на наиболее развитые страны Запада,

А.Козырев вместе с тем определил первый круг интересов России по горизонтали - суверенные государства, расположенные на территориях бывших союзных республик.

Несмотря на то, что к началу 1992 года у МИДа России, как, вероятно, у российского руководства в целом появилось общее представление о том, как строить взаимоотношения с бывшими союзными республиками в отношении Средней Азии этого сказать нельзя.

Непонимание новой политики России в этом регионе прямо отразилось на работе наших посольств в среднеазиатских государствах. Сразу же после открытия осенью 1992 г. они столкнулись со множеством проблем, начиная с отсутствия служебных и жилых помещений и заканчивая ясным пониманием конкретных задач и направлений работы. Думаю, что еще и поэтому посол РФ в Узбекистане Филипп Сидорский назвал ближнее зарубежье "зоной рискованной дипломатии".

Положение осложнялось тем, что российский МИД до определенного момента (до того момента, когда стало очень горячо на таджикско-афганской границе и когда угроза проникновения исламского экстремизма в Россию стала реальной), явно не уделял достаточного внимания среднеазиатской проблеме. До событий на границе отношение МИДа России к этому региону было явно иным. Весьма показательным в этом отношении является история с прерванным 8 апреля прошлого года турне А.Козырева по Средней Азии.

В общем до определенного времени (до весны-лета 1992 г.) среднеазиатское направление весьма туманно проглядывалось в деятельности МИДа как самостоятельное и могло рассматриваться лишь в контексте общей политики России в отношении стран-членов СНГ. Последняя же, на мой взгляд, исходила главным образом из того, что после обретения независимости каждая из стран Содружества обязана самостоятельно устраивать свою судьбу и меньше всего из того факта, что монолитность бывшего Советского Союз исключает немедленные самостоятельные и к тому же несогласованные шаги отдельных его членов, хотя и бывших, поскольку они наверняка нанесут ущерб остальным.

В этот период российский МИД преследовал, на мой взгляд, две основные задачи: 1- способствовать вхождению России в круг наиболее развитых государств мира; 2- способствовать формированию жизнеспособного содружества бывших советских республик.

Очень скоро убедившись, что эти две задачи чрезвычайно трудно решаемы (если не сказать больше), российский МИД под давлением обстоятельств перешел к решению конкретных проблем по определенным направлениям. Именно в это время оформилось как российско-среднеазиатское направление, так и особое таджикское направление. Этот этап, как и предыдущий, длился, на мой взгляд, недолго: всего лишь несколько месяцев, с весны - начала лета 1993 г. до сентября того же года. Убедившись, что и по направлениям также трудно достичь каких-либо позитивных результатов, российский МИД берет курс на образование более тесного союза бывших советских республик. Важным моментом в реализации этого курса стали переговоры глав государств СНГ в Ашхабаде, состоявшиеся 23-24 декабря 1993 г. и посвященные в основном созданию

экономического союза. Можно предположить, что и последующие усилия будут развиваться именно в этом направлении.

Какими же должны быть в таком случае новые отношения России со странами Средней Азии?

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО - СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

Решая вопрос о взаимоотношениях со странами Средней Азии, Россия, с одной стороны, не должна упускать из виду то, к чему стремятся эти страны и какая модель развития, вероятнее всего, у них привьется, а, с другой стороны, - то, к чему стремится сама Россия, свою модель развития. Нельзя забывать и о внешней ориентации той или иной модели.

Уже сейчас различия в этом весьма существенны, а будут, конечно, еще больше. Из этого следует очень многое. Как для России, так и для среднеазиатских государств.

Каковы же возможные варианты развития ситуации? На мой взгляд, их три.

1. Ситуация развивается по ныне доминирующему сценарию. То есть Россия стремится перестроить свою общественно-политическую и экономическую систему на западный, монетаристский лад, в то время как среднеазиатские государства будут стараться реализовать нечто похожее на китайскую модель развития со всеми ее атрибутами.

При таком развитии событий стороны будут отдаляться друг от друга все дальше. Рано или поздно это неизбежно приведет к необходимости решать проблему границ, в том числе новых границ для России, проблему спорных территорий как между Россией и этими государствами, так и между самими среднеазиатскими государствами. Если не забывать, что четко очерченных границ здесь никогда не существовало, то можно уверенно утверждать, что без острейших конфликтов и без большой войны едва ли можно будет обойтись. Если к этому добавить экспансию исламского экстремизма и ту напряженность, которая сопровождает этот процесс, то можно будет прийти к вполне определенному и ясному выводу, что этот трагический вариант не подходит ни самой России, ни странам Средней Азии, ни всему мировому сообществу в целом. И поскольку именно этот вариант ныне является доминирующим, России следует предпринять максимум возможного, чтобы прервать такое развитие событий.

2. Россия "подстраивает" свое развитие под развитие стран Средней Азии, т.е. берет за основу подобие китайской модели. На мой взгляд, такое было возможно еще до августа 1991 г., а точнее до середины 1990 г., до XXVIII съезда КПСС, когда она еще оставалась руководящей и направляющей силой советского общества. Но сейчас это уже невозможно. И не только потому, что нет единой силы, регулирующей процессы общественного развития, но и потому, что стороны, т.е. Россия и страны Средней Азии разошлись уже достаточно далеко.

3. Россия не копирует страны Запада, а развивается в соответствии со своими особенностями как евразийское государство, в едином союзе со странами Средней Азии, создать который пока еще можно. Правда, ценой

значительных уступок. Другого пути нет. Россия прямо-таки обречена на этот путь, если она хочет избежать большой трагедии. Чем скорее и увереннее этот вариант будет осуществляться, тем лучше будет всем. Но опоздание уже есть, и это ведет к росту потерь.

Добровольный союз евразийских государств, созданный на территории бывшего СССР, не только остановит нынешние разрушительные процессы на этом пространстве, но и предотвратит катастрофу огромных масштабов.

Но пока, к сожалению, события развиваются в основном по первому сценарию, из чего следует, что именно среднеазиатское направление является для России потенциально наиболее опасным.

12 января 1994 г.